

С Даниэла СТИЛ

ВЕРИТЬ
В СЕБЯ

Москва
2016

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С11

Danielle Steel

HONOR THYSELF

Copyright © 2008 by Danielle Steel

Перевод с английского *В. Гришечкина*

Художественное оформление *Д. Сазонова*

Стил, Даниэла.
С11 Верить в себя / Даниэла Стил ; [пер. с англ.
В. А. Гришечкина]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 480 с. — (Великолепная Даниэла Стил).

ISBN 978-5-699-87162-9

Знаменитая американская кинозвезда, блистательная и элегантная Кэрол Барбер, приезжает в романтический Париж, чтобы побродить по его извилистым улочкам, попытаться разобраться в себе и написать книгу. Трагическая случайность, едва не стоившая Кэрол жизни, дает ей блестящую возможность не только исправить прежние ошибки и вернуть потерянную любовь, но и открыть новую страницу в своей судьбе.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Гришечкин В., перевод
на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87162-9

Этот роман я посвящаю моей матери Норме, которая не прочла ни одной моей книги, но — смею надеяться — все равно гордилась бы мною.

Моя книга — о сложных взаимоотношениях между матерями и дочерьми, об упущенных возможностях, о добрых намерениях, которые ни к чему не привели, а также о любви, которая неизменно торжествует, какой бы скверной ни была — или казалась — ситуация.

Сама я потеряла мать, когда мне было шесть лет. Нет, она, к счастью, не умерла, но я лишилась всего, что было связано в моих тогдашних представлениях с материнской любовью и заботой. Никто больше не расчесывал мне волосы по утрам, чтобы в школе я не выглядела неряхой, и это было очень грустно. Только с годами мы обе начали понимать друг друга, хотя были совсем разными — как и наши взгляды на жизнь. Впоследствии именно это и стало причиной множества разочарований, но мы не оставляли попыток узнать друг друга лучше.

Этот роман я посвящаю матери, которую мне всегда хотелось иметь, — матери, которая когда-то пекла мне блинчики и готовила фрикадельки по-шведски. Той матери, какой сама Норма хотела быть даже после того, как ушла. Той матери, которую я любила, которой со-

страдала и которую простила, ибо в конечном итоге именно Норма научила меня, как стать такой матерью, какой я в конце концов стала. Так пусть теперь Всевышний улыбнется тебе, мама, и приблизит тебя к Своему престолу, и да обретешь ты радость и мир.

Я люблю тебя, мама...

Д. С.

Все придет к тебе, если
душа твоя будет чиста.

Дао дэ Цзин

Глава 1

Тихое и солнечное ноябрьское утро медленно вступало в свои права. Кэрол Барбер оторвалась от экрана компьютера и, откинувшись на спинку кресла, устремила взгляд на деревья в саду своего дома в Бель-Эйр. В этом большом, отличавшемся несколько хаотичной планировкой особняке она жила уже пятнадцать лет. Стеклопанельная стена переоборудованной под кабинет оранжереи выходила на фонтан, окруженный кустами роз, которые Кэрол когда-то посадила здесь. В неподвижной воде декоративного пруда отражалось чистое голубое небо.

В доме тоже царили мир и тишина, но на душе Кэрол было совсем не безоблачно. За прошедшие полтора часа она не прикоснулась к клавиатуре, и это серьезно ее беспокоило. Наконец-то она решила взяться за написание книги, но застряла серьезно и безнадежно, практически едва начав писать. Это был ее первый опыт подобного рода. И даже вся ее долгая и успешная карьера в кино, на что она очень надеялась, ничем не могла ей помочь — книга не шла.

Раньше Кэрол тоже пробовала писать, но свои короткие рассказы она никогда не публиковала. Тем не

менее она считала, что написать книгу ей вполне по силам. Однажды она даже написала сценарий. Кэрол и ее покойный муж Шон всегда хотели сделать фильм вместе, но, к сожалению, дальше разговоров и планов дело не пошло. Оба они были слишком заняты своей основной работой и не имели ни одной свободной минуты для других проектов.

Шон был известным продюсером и режиссером-постановщиком, а Кэрол — актрисой. И не просто актрисой, а кинозвездой первой величины. Слава пришла к ней рано — после первого же фильма, в котором она снялась в восемнадцать лет. Два месяца назад ей исполнилось пятьдесят. Почти тридцать лет она плодотворно и успешно работала в кинематографе и лишь в последние три с небольшим года почти не снималась. Это было ее собственное решение. И хотя Кэрол по-прежнему оставалась ослепительно красивой, возраст все же сказывался — интересных ролей уже не было, а размениваться на ерунду она считала ниже своего достоинства.

Сниматься она прекратила, когда тяжело заболел Шон. После его смерти Кэрол два года путешествовала, подолгу живя то в Лондоне, то в Нью-Йорке у своих уже взрослых детей. Кроме того, Кэрол участвовала во многих общественных движениях и проектах, касавшихся главным образом прав женщин и детей, что, в свою очередь, подразумевало частые поездки в Европу, Китай и некоторые страны Африки и Азии. Несправедливость, бедность, политические преследования всегда вызывали у Кэрол негодование и протест, и она не жалела себя, бросаясь на защиту несчастных и обездоленных. Свои впечатления от поездок Кэрол аккуратно заносила в свои записные книжки-дневники, надеясь, что они помогут ей в работе над будущей книгой.

Кроме этих записей, Кэрол вела еще один, сугубо личный, не предназначенный для чужих глаз дневник, каждая строчка в котором дышала горечью и страданием. Она начала записывать свои мысли и чувства за несколько месяцев до смерти мужа и закончила сразу после его кончины. Ей казалось, что эти записи вряд ли войдут в ее книгу, но Шон, с которым она часто говорила об этом даже в его последние дни, считал иначе. Ему очень нравилась сама идея книги, и он не уставал торопить Кэрол с осуществлением этого ее проекта. Увы, за книгу она взялась только через два года после его смерти, но никакого особого прогресса не добились, хотя работала над ней уже несколько месяцев.

В чем причина, Кэрол не понимала совершенно искренне. Ей всегда казалось, что роман — будь он художественным или отчасти документальным произведением — поможет ей высказать свою точку зрения на вещи, которые были важны лично для нее. Кроме того, Кэрол хотелось заглянуть в себя глубже, чем позволяло ремесло актрисы. Ей было что сказать людям, и Кэрол часто мечтала, как поставит последнюю точку, как отнесет рукопись своему агенту, и тогда случится чудо — те, кто видел в ней лишь кинозвезду, прочтут ее роман и узнают Кэрол Барбер как человека. Но до окончания работы было по-прежнему далеко, что-то мешало ей, не позволяя оторваться от земли. Каждую строку Кэрол приходилось буквально вымучивать, но результат ее по-прежнему не удовлетворял. Она была совсем неопытным писателем, и ей было невдомек, что это классический авторский «затык»; вот почему, вместо того чтобы сделать перерыв и немного отвлечься, Кэрол продолжала чуть ли не силой усаживать себя за компьютер. Сдаваться она не собиралась, ей очень хотелось

написать эту книгу, прежде чем она вернется к работе в кино. Кэрол даже чувствовала себя обязанной сделать это, и не только ради Шона, который так в нее верил, но и ради себя самой.

Не далее как в августе Кэрол отказалась от весьма многообещающей роли в фильме, который был обречен на успех. Его снимал знаменитый режиссер, сценарист был отмечен несколькими высокими наградами, да и партнерами Кэрол должны были стать известные актеры, работать с которыми ей было бы интересно, но, когда она познакомилась со сценарием, он не затронул в ее душе ни единой струнки. И тогда она отказалась от контракта — отказалась самым решительным образом. Кэрол уже давно пообещала себе, что не станет сниматься, если роль не заинтересует ее, к тому же она была одержима своей книгой. Размышления над тем, что и как следует написать, могли помешать ответственной и вдумчивой работе над ролью, к тому же Кэрол считала, что нельзя браться за новое дело, не закончив старое. Сначала она должна закончить свой роман — роман-размышление, как Кэрол называла его про себя, который действительно мог стать голосом ее души.

Когда Кэрол только начинала работу над книгой, она вовсе не собиралась писать о себе. Но как-то незаметно вышло так, что задуманная ею главная героиня воплотила в себе довольно много присущих Кэрол черт и особенностей характера. Как вскоре выяснилось, в этом-то и заключалась главная трудность. Чем подробнее и глубже пыталась она воссоздать внутренний мир своей героини, тем труднее шла работа. Можно было подумать, что Кэрол боится взглянуть в лицо самой себе. В результате за несколько недель напряженной

работы она не смогла написать ни одной главы, ни одного мало-мальски приемлемого абзаца.

А ведь казалось, все должно быть предельно просто. Героиней книги была женщина ее возраста, которая исследует и анализирует прожитую жизнь, однако, описывая мысли и переживания своей героини, Кэрол все больше погружалась в раздумья о себе, о своей судьбе, о своих близких и о тех непростых решениях, которые ей приходилось принимать в тех или иных жизненных обстоятельствах. Садясь за рабочий стол, Кэрол уносилась мыслями в прошлое, но на экране компьютера не появлялось ни строчки. Прошло довольно много времени, прежде чем ей стало ясно: давние события продолжают подспудно тревожить и смущать ее, и она не сможет написать ни слова, пока не решит все накопившиеся за десятилетия недоразумения и проблемы. Эхо прожитой жизни продолжало звучать у нее в ушах, и Кэрол знала: чтобы сдвинуться с мертвой точки, ей необходим ключ к дверям, ведущим в прошлое, ключ, который она никак не могла подыскать. Все вопросы, все сомнения, которые она когда-либо испытывала, оживали снова и снова, и Кэрол безнадежно вязла в анализе своих прошлых поступков. Почему она сделала то-то и то-то, правильное ли приняла решение, добилась ли желаемого или результат был прямо противоположным? Какую роль играли в ее жизни те или иные люди? Были ли они друзьями или врагами и не ошиблась ли она, приблизив одних и оттолкнув других? Была ли она справедлива и добра к окружающим или же сиюминутная выгода заставила ее совершить подлость? Раз за разом Кэрол задавала себе эти вопросы и не находила ответов. А главное, она не могла понять, почему дела минувших дней сейчас стали казаться ей такими

важными. Лишь в одном у нее не было сомнений — все это действительно *очень* важно, и она вряд ли сможет написать стоящую книгу, пока не разберется в себе и в своей жизни. Работа эта и сама по себе была непростой, но куда больше Кэрол пугала необходимость анализировать свои желания, побуждения, мотивы. Ничего подобного она прежде не делала. Больше того, Кэрол всегда старалась избегать бесплодного, как ей казалось, самокопания, но теперь она была вынуждена погружаться в прошлое, вспоминая, выискивая истинные причины своих поступков. А это было непросто. Прежде всего подобная кропотливая работа требовала невероятного напряжения памяти. Лица тех, с кем сводила ее жизнь, продолжали возникать перед мысленным взором Кэрол даже по ночам, когда, утомленная сверх всякой меры, она подолгу лежала без сна. Но и во сне воспоминания не давали ей покоя, и по утрам она вставала совершенно разбитая.

Чаще всего Кэрол думала о Шоне, и не только потому, что память о нем была так свежа в ее сердце. В нем она была уверена, твердо зная, кем он для нее был и что значил. Их отношения с самого начала были ясными, честными и чистыми. Но в ее жизни были и другие мужчины, и с ними все обстояло куда сложнее. К ним у Кэрол и сейчас имелись вопросы. Только Шону она верила полностью, только его поступки и побудительные мотивы были ей понятны. Кроме того, Шону очень хотелось, чтобы она написала свою книгу, и теперь Кэрол чувствовала себя обязанной довести начатое дело до конца. Это был ее долг, ее последний подарок любимому человеку, который ушел так рано. Наконец, Кэрол хотелось просто доказать себе, что эта задача ей по плечу, однако страх перед возможной неудачей до такой

степени парализовал все ее силы и способности, что она растерялась. Когда ее замысел только начинал зреть, Кэрол была уверена, что справится, но сейчас ей все чаще казалось, что никакого писательского таланта у нее нет. Однако отступать было, пожалуй, поздно, да она и не могла себе этого позволить. О книге Кэрол мечтала уже больше трех лет, и теперь ей просто необходимо было знать, есть ли у нее что́ сказать людям или ее жизнь, ее мысли неинтересны и не нужны людям.

Все эти соображения и заставляли ее снова и снова возвращаться к компьютеру, к воспоминаниям, к Шону. Она была уверена, что писать о нем будет проще всего. «Мир» и «покой» — вот какие слова приходили Кэрол на ум каждый раз, когда она думала о Шоне. Он был человеком щедро одаренным в душевном плане — любящим, мудрым, справедливым. С самого начала он принес в ее жизнь спокойствие и порядок, и уже вместе они без труда заложили прочный фундамент своей совместной жизни. Шон никогда не стремился главенствовать или безраздельно владеть ею. Со стороны могло показаться, будто их жизни вовсе не соприкасаются, и это действительно было так или почти так. Они сознательно не вмешивались в дела друг друга, точнее — не навязывали друг другу своей воли и не лезли с советами, которые невозможно исполнить. По жизни они шли рука об руку, и эта жизнь была такой светлой и радостной, что даже смерть Шона выглядела так, словно он не исчез навсегда, а просто перебрался в иное измерение, в другое пространство бытия, поэтому Кэрол не могла его видеть. Влияние, которое он всегда оказывал на нее, было таким мощным, что она еще долгое время продолжала ощущать рядом его присутствие. В смерть Шона она поверить просто не могла. Да и сам он вос-

принимал то, что неизбежно должно было с ним случиться, как переход в новую жизнь, как возможность увидеть и узнать что-то удивительное и новое. Шон был таким всегда; что бы ни случилось с ним в жизни, с чем бы ни довелось ему столкнуться, из всего он умудрялся извлечь урок. Даже собственная смерть стала для него еще одним непройденным опытом, еще одной стороной бытия, узнать которую он смог только сейчас.

С тех пор как он умер, прошло уже два года, но Кэрол все еще скучала по нему. Ей не хватало его смеха, его голоса, его блестящих умозаключений и тонких шуток, не хватало их долгих вечеров вдвоем и неспешных прогулок вдоль побережья, когда они чаще всего не произносили ни слова, ведя безмолвный, но понятный им разговор. Все это осталось в прошлом, но и теперь Кэрол не оставляло ощущение, что Шон не покинул ее, что он по-прежнему находится где-то рядом и его незримое присутствие осеняет каждый день ее жизни. Так она чувствовала себя, пока он был жив, и точно так же Кэрол чувствовала себя сейчас. Их встреча, произошедшая десять лет назад, стала для нее настоящим подарком судьбы, хотя они и прожили вместе сравнительно недолго. Другого такого человека не было, наверное, в целом свете. Уже стоя одной ногой в могиле, Шон думал не о собственной неизбежной кончине, а о ней, о Кэрол; стараясь облегчить грядущее расставание, он не уставал напоминать ей о том, как много она должна успеть сделать. Написать книгу и вернуться в кино — такова была ее задача на ближайшее время, и Кэрол не имела ничего против этого плана. Она верила, что сможет его исполнить. Ее короткие рассказы Шону всегда нравились; кроме того, за несколько лет совместной жизни она посвятила ему несколько десятков стихотво-

рений, которыми он очень дорожил. Примерно за полгода до его смерти Кэрол перепечатала их набело и отдала в переплет. С этой книгой Шон не расставался до самого конца, снова и снова перечитывая дорогие его сердцу строки. Кэрол была уверена, что и сейчас для нее не составит труда написать короткий рассказ или стихотворение, но всерьез засесть за большую вещь у нее никак не получалось. Сначала ей не хватало времени, потому что заболел Шон и она сама ухаживала за ним. Ради этого она сделала годовой перерыв, отказываясь от всех контрактов, чтобы выхаживать его после курса химиотерапии. Последние несколько месяцев она тоже провела с ним. Шону было очень плохо, но он держался молодцом. Буквально за день до его смерти они в последний раз отправились на прогулку вдоль пляжа. Шон очень ослаб и не мог идти долго; он часто присаживался отдохнуть, и Кэрол тоже опускалась рядом с ним на песок. Как и всегда, они почти не разговаривали — только держались за руки и смотрели на горизонт, где над океаном догорал узкой полоской закат. Когда погас последний луч солнца, Шон беззвучно заплакал, и Кэрол почувствовала, что по ее щекам тоже текут слезы. Они оба знали, что конец уже близок.

На следующий день Шон умер у нее на руках. Перед смертью он не мучился — лишь в последний раз взглянул на нее и чуть слышно вздохнул. Потом глаза его закрылись, и Шона не стало. Можно было подумать, он уснул — такой мирной и безболезненной была его кончина. Он принял смерть покорно, без борьбы; должно быть, поэтому Кэрол почти не чувствовала горя, когда вспоминала его. К тому, что Шон уйдет, она была внутренне готова, насколько вообще можно подготовиться к подобному событию. Да и сам Шон знал, что конец

его близок. Когда его не стало, Кэрол словно окутала звенящая пустота, которую она ощущала до сих пор. Эту-то пустоту она и попыталась заполнить, копаясь в себе и своих чувствах. Книга, которую она наконец начала, должна была помочь ей в этом. Желание ее не иссякло, напротив — стало сильнее, превратившись в потребность, да и Шон всегда верил в ее способности и талант. Единственное, чего боялась Кэрол, это обмануть его ожидания. Шон — пока он был жив — служил для нее неиссякаемым источником вдохновения и уверенности; он дарил ей спокойствие, радость, душевное равновесие, но с его смертью она всего этого лишилась. Вновь обрести почву под ногами оказалось невероятно трудно, должно быть, поэтому она так безнадежно застряла на первых же главах, но работы не бросила.

Кэрол несколько не жалела, что за последние три года не снялась ни в одном фильме. Всю жизнь она работала, не жалея себя, поэтому еще до того, как заболел Шон, у нее начали появляться мысли об отдыхе, о перерыве. Кроме того, Кэрол казалось, что небольшой отдых поможет ей по-новому оценить и переосмыслить все, что она уже сделала, и, когда она вернется в кино, ее работы приобретут иное, более высокое качество. За свою кинокарьеру Кэрол снялась в нескольких очень интересных лентах, которые были признаны классикой Голливуда; не отказывалась она и от ролей в коммерческих фильмах, и картины с ее участием неизменно становились настоящими хитами проката. Любому другому человеку этого было бы вполне достаточно, чтобы почивать на лаврах до конца жизни, но Кэрол всегда отличалась повышенной требовательностью к себе и к окружающим. Теперь, когда она достигла определенного уровня, ей хотелось привнести в свою актерскую

игру что-то новое — нечто, чего в ней раньше не было. Глубина постижения образа — вот как это называлось, и Кэрол отлично понимала: чтобы перейти на новый качественный уровень, ей, помимо таланта, понадобится весь ее жизненный опыт и вся ее житейская мудрость, которые, к сожалению, приходят к большинству людей лишь с возрастом.

Кэрол не считала себя старой. Просто годы, прожитые ею с тех пор, как она узнала о смертельной болезни Шона, окрасили ее жизнь неведомыми ранее переживаниями и тревогой за близкого человека. Они научили ее мудрости и смирению, с которыми она приняла неизбежное. Все это непременно должно было отразиться на ее игре, и Кэрол с нетерпением ждала возможности взяться за новую серьезную роль. Но сначала она должна закончить книгу! Задуманный роман представлялся ей чем-то вроде символа — символа освобождения или, может быть, зрелости. Только написав его, Кэрол смогла бы почувствовать себя окончательно сформировавшейся женщиной, одержавшей победу над обстоятельствами и призраками прошлого. Столько лет она изображала других женщин — настала пора явить миру подлинную себя! Она должна начать новую жизнь, которая не будет зависеть от того, какой ее представляли — или воображали — другие люди. Что ж, отныне она принадлежит только себе и сумеет стать такой, какой ей хотелось быть.

В ее жизни было время — и Кэрол хорошо его помнила, — когда она принадлежала мужчине как какая-то вещь, но оно закончилось еще до того, как она повстречала Шона. Он, к счастью, оказался не таким, как большинство мужей-собственников. Шон и Кэрол были свободные души и, даже сойдясь вместе, относились